

УДК 323.2

КУЛЬТУРА КАК СОПРОТИВЛЕНИЕ: ПРИМЕР ПЕРМСКОГО КУЛЬТУРНОГО ПРОЕКТА (2010-2012)

Аристова Светлана Михайловна

старший преподаватель
Удмуртский государственный университет, Кудымкар

Королев Петр Михайлович

преподаватель
Образовательный центр, Кудымкар

author@apriori-journal.ru

Аннотация: В статье обсуждаются два типа культуры – современная и традиционная. Приводится вариант рассмотрения единого представления, в котором обе культуры сосуществуют со своими внутренними процессами и неразрушающим обменом. Это иллюстрируется некоторыми линиями взаимодействия между Пермским музеем современного искусства и Коми-Пермяцким этнокультурным центром. Авторы предлагают использовать этническую культуру в качестве слоя-медиатора при культурном картировании.

Ключевые слова: пермский культурный проект; традиционная культура; современная культура; протест; культурная норма; сохранение культуры; культурное картирование.

**CULTURE AS A PROTEST:
A CASE STUDY OF PERM CULTURAL PROJECT (2010-2012)**

Aristova Svetlana Mikhailovna

senior lecturer
Udmurt State University, Kudymkar

Korolev Petr Mikhailovich

lecturer
Educational Center, Kudymkar

Abstract. Two types of culture, traditional and modern ones, are discussed. How to overwhelm intolerance between them? Two side ontology concerns both in one construction with their inner processes and nondestructive exchanges. It is illustrated with some lines of interaction between Perm museum of contemporary arts and Center for Permian Komi ethnic culture. Roadmapping in cultural domain is not a tabula rasa mapping, it is a multi-level card of different kinds of knowledge. Authors offer a suggestion to use the ethnic culture as a mediatory layer.

Key words: perm cultural project; traditional culture; modern culture; protest; cultural norm; preservation of culture; cultural mapping.

Существует множество определений культуры, но мы не основываемся ни на одном из них; мы выводим культуру из процесса *развития*, и рассматриваем ее как *то*, что «сопротивляется» развитию. В обычном понимании *охрана*, *сохранение* – термины хотя и однокоренные, но выражающие разный смысл. Если охрана осмысляется как комплекс мер

правового характера, то сохранение более связано с коллекционированием и поддержкой материальных условий сохранности. *Актуализация культуры* есть демонстрация ее образцов в связи с разными задачами. Но если рассматривать культуру через ее функцию сопротивляться изменению, то три термина *охрана*, *сохранение* и *актуализация* приобретают иной смысл. Кажется, что актуализация ближе всего к фронтиру изменений: выставление напоказ образцов культуры означает включение их в диалог, в интерпретативную, критическую работу, а, следовательно, погружение в *историю культуры* [1, с. 227-244].

Если помимо материала рассмотрения – охрана, сохранение, актуализация – включить еще и *форму* этого рассмотрения и обсуждения, то мы также выходим на *границу между наукой и практикой*: из практики мы берем факты, актуальные в конкретной ситуации, а в практику «отдаем» обобщения: систему знаний, построенную на определенной онтологической картине, модели культурной работы, средства и методы охраны, сохранения и актуализации, которые прошли через некоторую систему отбора в ходе представления и обсуждения того, что есть на местах. Но это в привычном представлении, когда предлагается материал, так или иначе отвечающий общей теме, и в этом материале фиксируются аспекты культурной работы в той или иной области деятельности или в той или осуществленные в то или иной местности. Этот материал затем собирается в некий *культурный продукт*, и параллельно дается описание проблем, успехов в деятельности в рамках этой темы, и формулируются практические рекомендации, так называемая *повестка дня*.

В подходе «культурного сопротивления» больше внимания обращается на то, *что* может повлечь за собой разрушение традиционной культуры. Здесь *традиционное* заявляет себя как то, что сложилось исторически, как некоторая данность, характеризующая *местность*, ее суть и особенности. Всякое *изменение* рассматривается как угроза. Не считаться с этим моментом не могут ни руководители территории, ни инноваторы, ни

консерваторы. Лист бумаги не является чистым (это не *tabula rasa*), и чертить на нем новые проспекты можно только с учетом этого.

Длинные ночи Перми, проект, в котором приняли участие художники из разных стран мира, и который заключался в том, чтобы «раскрасить» смысловыми полями многокилометровые бетонные заборы, ограждающие в городе разные объекты, вызвал реакцию *протеста*. Даже заполнение свободных мест около краевой библиотеки, около речного вокзала, формирование сада камней около железнодорожного вокзала (*Яблоко* Ж. Кадыровой, *Лес* и *Ворота* Н. Полисского, *Скарабей* М. Нарымбетова) вызвало шквал негодования. С чем это связано? Разумеется, не с банальной причиной перераспределения бюджетных средств от традиционных учреждений культуры к новым институциям (Центр развития дизайна, Музей современного искусства, сцена «Молот» антрепризного театра, проект «Кудымкар: Культурная перезагрузка»), хотя и этот момент не следует исключать.

Пермский культурный проект включал в себя огромное количество мероприятий, среди наиболее ярких – международный *Культурный форум* (на котором был провозглашен тезис, что современная экономика не может развиваться иначе, чем на базе культурного ресурса), *Культурный альянс* – объединение нескольких регионов России в один культурный домен и разработка культурной дорожной карты, «*Белые ночи Перми*» – попытка превратить город в культурную столицу Европы. Мы сюда бы добавили и многочисленные инициативы губернатора Олега Чиркунова, осуществляемые в крае и фиксируемые в сети wordpress (Проект *Шаг к цели* и др.) [2, с. 211-235]. Мы хотели бы включить сюда и формирование коми-пермяцкого этнокультурного центра, который берет на себя решение совокупности задач государственного задания по организации и координации всех видов деятельности, связанных с сохранением и развитием культуры коми-пермяцкого народа.

Почему местные культурные силы сопротивляются? Всегда ли это сопротивление носит позитивный неразрушающий характер? Как найти формулу соседства традиционной и авангардной (современной) культур?

В ответе на эти вопросы нам придется выйти на некоторое онтологическое представление: каким образом культурная норма детерминирует ситуацию воспроизводства деятельности. Существующее представление о том, что *социальное пространство* отличается от *пространства культуры*, мы берем в качестве некоторой *единицы* для построения онтологии. В общем традиционная культура строится как некоторого рода *описание* (часто мифологическое) в разных языках той сферы практической *жизнедеятельности*, которая берется в срезе *прошлого опыта*.

Зафиксированные в языке описания этой повседневности складываются в некое месиво, *облако смыслов*, смысловых структур. И в этой сфере, собственно, и сосредоточена культурологическая мысль. Но этого не достаточно, поскольку сохранение культуры в условиях, когда *отсутствует угроза*, становится бессмысленным делом.

Для обретения смыслов нужны *разработки рисков и угроз*; и это делается внутри культурологической работы, но с явным дефектом. Они – риски и угрозы – есть фиксации некоторого рода *слабых* сторон культуры жизнедеятельности, и отсутствует те реальные силы, которым можно приписать *источник* этих угроз.

Чтобы выйти в план действительных формулировок задач охраны, сохранения и актуализации культуры, необходимо задать *еще один план* представлений и работ. Так сложилось, что исторически этот план работ осуществляется группами авангарда, и в частности, столетним движением *русского авангарда* (Кандинский, Малевич, Хлебников, Ларионова, Субботин-Пермяк и др.).

Переход *от символа к знаку*, а далее к организации *знаковой реальности*, разработка *форм организации* и методов *коммуникации*, *понимания*, *рефлексии*, всеобщий охват методологической работой разных областей практики (*методологическое и игротехническое движение*), привело к тому, что это представление оформилось и как направление, задающее норму деятельности, в том числе и в сфере культуры, в частности *актуального искусства* [1, с. 689-708; 2, с. 31-49].

Актуальное часто напоминает собой нечто мимолетное, к культуре не имеющей отношения, как некоторого рода заявление самозванства. Сторонники традиционного искусства полагают, что произведения должны отлежаться, должно пройти некоторое время для оценки, появиться временная дистанцированность. И если после такого временного лага произведение остается привлекательным и значимым для искусства, в этом случае оно становится произведением искусства и достоянием культуры.

Опыты в искусстве, связанные с мимолетным, экземплифицированным (игра актерского ансамбля в театре, выставка художников, перформансы, исполнительское искусство и пр.) после завершения действия «растворяются», утрачивают свою «материальность», и помимо описания ничего после себя не оставляют. И таких явлений в мире очень много. Вопрос, принадлежат ли они культуре, не решается методом дистанцирования и оценки в будущем. В рамках «*мы – они*» вопрос *неприятия* может ставиться и так: почему мы – традиционные художники – должны подчиняться старому правилу оценки заслуг, а они – новые художники – оцениваться сразу, «без очереди», и призываться формировать тело культуры?

Культура сопротивления, таким образом, это один тип культуры, а культура *актуальная, современная* – другой тип. Установление отношений между этими типами культуры зачастую невозможен, поскольку одно отрицает другое, не давая даже возможности ему – другому – высказаться.

Есть ли выход из сложившегося положения? Или с неизбежностью одно должно стать победителем другого и заодно его истребителем?

Мы предложили бы такую схему мирного разделения этих двух типов культуры, а заодно и пути их соотношения. Если *традиционные* способы фиксации в языках и описаниях повседневной деятельности оформляются в форме многочисленного набора культурных образцов и практик, то *инновационные* способы фиксации в языках требуют создания описаний *поведенческих* картин, нормировки поведения и оформляются в виде институциональных форм, в форме метода.

Эти два типа культуры *не «параллельны»*, они не повторяют друг друга, подобно тому как работа *техника* и работа *инженера* отличаются друг от друга. Но будучи во взаимодействии они обогащают друг друга. В одном случае, они «поставляют» из традиционной культуры те смыслы и культурные предложения, которые добыты в процессе культурной работы, а в другом случае, они «поставляют» поведенческие картины для того, чтобы менять социальное пространство, устраняя «несостыковки» и усиливая слабые места. Следует обратить внимание и на тот момент, что наличие в *карте знания* третьего слоя, связанного с еще более древней культурой – *этнической культурой* – делает этот процесс коммуникации более продуктивным [3, с. 135].

В коми-пермяцком этнокультурном центре может обсуждаться вопрос об *орнаментике*, например, на традиционных поясах или варежках, и при этом формироваться поле поиска и разработок пермского центра развития дизайна, части музея современного искусства. Процесс *универсализации и типизации* и процесс *самоидентификации* могут протекать одновременно на *разных* группах в рамках *общей* дискуссии.

Вопрос о многослойности системного представления обсуждался и в московском методологическом кружке (1954-1982), и в многочисленных статьях футурологов, и в частности, Сохаилом Инаятуллой. Задача состоит в том, чтобы ввести в качестве особого *слоя* этнокультуру на кото-

ром обеспечивалось бы «согласование» интересов современной и традиционной культур. В литературе постановки и решения этой задачи мы не обнаружили. Это могло бы быть достигнуто в результате «размораживания» тех линий, которые были остановлены в той или иной *бифуркационной точке* исторического развития. И в методологиях исследований будущего это витает как некая возможность.

Список использованных источников

1. Щедровицкий Г.П. Мышление – Понимание – Рефлексия. М.: Наследие ММК, 2005. 800 с.
2. Чиркунов О. Государство и конкуренция: Статьи. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 240 с.
3. Аристова С.М. К сохранению через развитие (Опыт реализации проекта Евросоюза и Минрегионразвития РФ «Традиции национальной танцевальной культуры коми-пермяцкого народа») // I Международный конгресс традиционной художественной культуры: Фундаментальные исследования народного искусства (26-29 ноября 2011, г. Ханты-Мансийск). Ханты-Мансийск, 2013. С. 135.